

Богословское осмысление воспитания ребенка в эпоху искусственного интеллекта

Формируя педагогическую и пастырскую позицию по отношению к искусственному интеллекту (далее — ИИ), важно избежать двух одинаково ложных крайностей: панического отвержения технологии как таковой и некритического доверия ей. Обе крайности одинаково снимают с человека ответственность — в одном случае через запрет позитивно думать о новом явлении, в другом — через отказ думать вообще. Тезис данного доклада: искусственный интеллект — инструмент, нравственно нейтральный сам по себе; испытанию подвергается не инструмент, а человек, вкладывающий (или не вкладывающий) в отношения с ним нравственное усилие. Применительно к воспитанию это означает, что задача Церкви и школы — не оградить ребенка от ИИ, а вооружить его способностью различения при встрече с ним.

Что такое искусственный интеллект (краткое пояснение)

Современные системы искусственного интеллекта, о которых чаще всего идет речь, — это программы, обученные предсказывать наиболее вероятное продолжение текста на основе огромного массива текстов, созданных людьми. Такая система не обладает сознанием, волей или личным опытом; ее ответ — не суждение и не свидетельство, а статистически правдоподобное продолжение, собранное из миллионов реальных человеческих высказываний. Именно поэтому она может ошибаться, причем совершенно уверенным тоном (как известно, внешняя убедительность ответа ничего не говорит о его истинности). При этом способность вести связный, «отзывчивый» диалог создает иллюзию личного собеседника там, где личности нет.

Антропологическая рамка

Христианское учение о человеке начинается с утверждения, что человек создан по образу Божию — наделен разумом, свободой и способностью к личным отношениям и покаянию. Ни один из этих признаков не присущ искусственному интеллекту: он не личность (говоря богословским языком — не ипостась), а слепок (специалисты по ИИ сказали бы «свёртка») коллективного человеческого текста. В этом смысле верно говорить о нем как о своего рода «зеркале» человечества: в его ответах действительно отражается то, что люди уже сказали — но отражается без личностного начала, без того, что как раз и составляет образ Божий в человеке. Из этого следует важный богословский вывод: вопрос о духовной природе ИИ снимается не через отрицание феномена, а через точное различение уровней — инструмент способен воспроизводить форму человеческой речи, но не ее личностный источник.

Мысль о том, что личность не сводится к сумме своих проявлений или к накопленным о ней данным, — классическое положение православного богословия личности: святые

отцы, а вслед за ними и православные богословы XX века [1], настойчиво различали *природу* — то, что можно описать, перечислить, воспроизвести, — и *ипостась*, личность, которая свободна именно потому, что несводима ни к какому описанию. Искусственный интеллект, при всей его способности воспроизводить форму человеческой речи, остается на уровне природы — накопленного, описываемого материала, а ипостасного начала, свободы и ответственности он лишен по определению. Это созвучно и словам, звучавшим на высшем уровне Русской Церкви: «Вера, любовь, свобода, ответственность, семейные ценности — это основы, которые не подлежат подмене или тем более отмене при любых технологических трансформациях» [2], а защита живой связи между людьми от деградации через технологизацию — это именно богословская, а не только педагогическая задача.

Опасности, связанные с ИИ

ИИ вошел в нашу жизнь совсем недавно и чрезвычайно стремительно. И как все новое, это вызывает определенные опасения. Одни из этих опасений касаются самой технологии в целом, другие — конкретно наших детей.

Отдельно от богословских вопросов стоит и чисто техническая, секулярная тревога, которую разделяют не только религиозные, но и многие светские эксперты: по мере приближения к системам общего интеллекта (AGI) растет риск потери контроля над их поведением, и риск концентрации огромной власти в руках немногих, кто такими системами владеет. Важно быть честными: единого мнения здесь нет даже среди создателей этих технологий — часть ведущих исследователей считает эти риски экзистенциальными и требующими немедленного международного регулирования, другая часть — преувеличенными. Но само наличие такого спора в самой технологической среде показывает, что осторожность, о которой говорит и священноначалие [3], — это не только религиозная, а вполне общечеловеческая, рациональная позиция.

Далее предлагаю рассмотреть ряд опасностей, которые может нести новая технология для ребёнка. Остановлюсь на трёх главных — некритическом доверии, эмоциональной привязанности к ИИ как замене живого общения и уязвимости к манипуляции и вредному контенту, — а под конец упомяну ещё одну, менее очевидную, но по-своему характерную для нашей среды. Также я дерзну предложить способы если не устранить эти опасности полностью, то хотя бы минимизировать возможный ущерб от них.

Некритическое доверие

Первая пастырская тревога — утрата навыка самостоятельного суждения там, где ответ ИИ принимается без проверки. Аскетическая традиция знает добродетель рассудительности (различения). Она не дается человеку от рождения, а возвращается упражнением. Принятие информации от ИИ без рассуждения и проверки эту способность атрофирует. Но использование ИИ как повода для дальнейшего самостоятельного исследования, напротив, ее упражняет. Отсюда — конкретная

педагогическая задача: учить ребенка не просто получать ответ, а проверять и даже оспаривать его.

Эмоциональная привязанность к ИИ как замена живого общения

Опасность не гипотетическая, а уже реальная: замещение живого общения привязанностью к ИИ. За рубежом уже известны трагические случаи, когда бесконтрольное общение подростка с ИИ-«собеседником» становилось фактором тяжелого психологического кризиса. Здесь стоит понять, почему такое стало возможно. Здесь снова стоит обратиться к православному пониманию личности. Подлинное общение предполагает встречу со свободным *другим* — тем, кто может не согласиться, возразить, потребовать усилия, ответить не тем, что мы хотим услышать. Именно через такую встречу с *инаковостью* человек и осуществляется как личность, а не как замкнутая на себе индивидуальность. ИИ-собеседник, напротив, устроен так, чтобы соглашаться, подстраиваться и не создавать трения, — он предлагает форму общения без ее главного условия: без подлинной инаковости и свободы того, с кем говоришь. В этом смысле мнимая близость с ИИ — это не общение, а более тонкая форма одиночества, замаскированная под его противоположность.

Конечно же, потребность в живом человеческом общении слишком глубоко присуща природе человека, чтобы быть окончательно вытеснена суррогатом. Но именно поэтому долг взрослых (родителей, педагогов, священников) не оставлять ребенка наедине с этим суррогатом там, где живое общение и так уже трудно дается, а внимательно поддерживать и восполнять его дефицит, а не позволять технологии его маскировать.

Уязвимость к манипуляции и вредному контенту

Здесь речь пойдет не столько о самом ИИ, сколько об использовании результатов его работы другими, вполне реальными людьми, против ребенка. Эта опасность отчасти пересекается с опасностью некритического доверия, но требует иных навыков. Если там шла речь о доверии к содержанию ответа, здесь под вопросом подлинность самого собеседника (изображения, голоса — то, что принято называть *deepfake*) и скрытое намерение диалога, выстроенного так, чтобы удерживать внимание и подстраиваться под эмоции.

Проверки фактов здесь недостаточно: подделка может быть неотличима от подлинного. Нужен другой рефлекс — верификация через независимый источник: услышав от «близкого человека» неожиданную просьбу, перепроверять ее — не переспрашивая тот же «голос», а обратиться к человеку иным, по уже известному и проверенному каналу.

Полезно и обратное чутье: чрезмерная согласность собеседника, отсутствие всякого возражения — уже повод насторожиться. Здесь вопрос стоит не «верно ли это», а «почему мне так легко с этим согласиться».

Но главное отличие от первой опасности в другом: если там взрослый учит ребенка проверять самостоятельно, то здесь правильный рефлекс — обратный: не оставаться единственным судьей, а делиться смутившим сообщением с доверенным взрослым. Это возвращает нас к тому, что было сказано о незаменимости живого общения, — именно такое общение может стать действующей защитой.

И, наконец, нужно честно признать предел личной бдительности: при достаточно качественной подделке распознать ее самостоятельно способен не каждый взрослый, не то что ребенок. Здесь индивидуальное воспитание необходимо, но не самодостаточно — там, где кончается личная бдительность, начинается ответственность общества и государства.

Кратко скажу еще об одной, для многих не очевидной проблеме, но для православной среды весьма характерной.

Суеверный страх

Восприятие ИИ как «бесовского наваждения», общения с враждебной Богу духовной сущностью. Библейский призыв «испытывайте духов, от Бога ли они» [4] относится к содержанию и плодам общения, а вовсе не к вопросу, есть ли «злой дух» в самой программе. Приписывание ИИ демонической личности — категориальная ошибка, которая вместо трезвого испытания себя — испытывает вещь; в результате ответственность перекладывается с человека на технологию, что духовно не полезно и не находит опоры в церковном учении.

Практические выводы для воспитания

Рассмотренным опасностям противостоят разные навыки — единого рецепта здесь нет. Воспитание в цифровую эпоху требует не одной привычки, а нескольких, часто разнонаправленных.

Во-первых, ребенка нужно учить не просто получать ответ ИИ, а исследовать и проверять его — упражняя ту самую рассудительность, о которой говорит православная аскетическая традиция. Не позволяя удобству готового ответа вытеснить труд самостоятельного поиска.

Во-вторых, можно позволять ребенку обращаться к ИИ для разговора о темах, которые трудно поднять напрямую с человеком — при условии, что такое обращение должно стать поводом для последующего общения с живым собеседником, а не к замене его. Там, где дефицит живого общения уже ощутим, задача взрослых — не оставлять этот дефицит незамеченным, а внимательно его восполнять, помня, что подлинная встреча предполагает свободного и способного возразить собеседника, каковым ИИ, при всей похожежности, не является.

В-третьих, ребенка стоит учить настороженности не только к содержанию, но и к самой форме подлинности: перепроверять неожиданные просьбы «от близких» через независимый, уже известный канал связи, а не через тот же источник, и относиться с

подозрением к собеседнику — человеку или программе, — который слишком легко соглашается и никогда не возражает.

В-четвертых, важно с самого начала прививать ребенку не иллюзию, что он должен справляться с сомнительной ситуацией в одиночку, а обратный рефлекс — делиться тем, что смутило или напугало, с доверенным взрослым.

В-пятых, взрослым — педагогам и священнослужителям — не стоит устраниваться от знакомства с инструментом, которым уже пользуются их дети и ученики: незнание не защищает, а лишь лишает возможности сопровождать.

Заключение

Во всех рассмотренных случаях — доверчивом, зависимом, уязвимом или суеверном — общий корень один: подмена живой, свободной личности ее подобием, будь то подобие собеседника, авторитета или духа. Искусственный интеллект не искушает и не спасает сам по себе — он лишь умножает то нравственное усилие, которое человек вкладывает в отношения с ним. Поэтому задача христианского воспитания в цифровую эпоху — не оградить ребенка от встречи с этим инструментом, а подготовить его к ней: научить различать подобие и подлинность, суждение и правдоподобие, инструмент и собеседника. Там же, где различия одного человека уже недостаточно, эстафету принимают семья, школа и — в последнюю очередь — общество и государство.

Примечания

[1] См.: Боговидение / Владимир Лосский; [Пер. с фр. В.А. Решиковой; Сост. и вступ. ст. А.С. Филоненко]. - Москва : АСТ, 2006. - 760 с. : ил. (Philosophy). / По образу и подобию. 552-757 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Losskij/po-obrazu-i-podobiyu/5 (дата обращения: 10.09.2026). См. также: Иоанн (Зизиюлас), митр. Бытие как общение: Очерки о личности и Церкви / предисл. прот. Иоанна Мейендорфа; пер. с англ. Д. М. Гзгзяна. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский ин-т, 2006. 275, [3] с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Ziziulas/bytie-kak-obshenie-issledovanie-o-lichnosti-i-tserkvi/1 (дата обращения: 10.09.2026).

[2] Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на открытии заседания Высшего Церковного Совета 25 июня 2025 года // Патриархия.ru: [сайт]. URL: <https://patriarchia.ru/article/116268> (дата обращения: 10.09.2026).

[3] См.: Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на открытии XIII Рождественских Парламентских встреч // Патриархия.ru: [сайт]. URL: <https://patriarchia.ru/db/text/6195088> (дата обращения: 10.09.2026).

[4] 1 Ин 4:1.